

Конан: Странно! Мика-тё, 2-й квартал, это же совсем рядом с моим домом. Раньше я никогда не видел этого человека и не слышал, чтобы по соседству кто-то жил под фамилией Хэйцзэ. Если он только что переехал... кажется, я слышал, что семья, живущая рядом с нами, собирается за границу и возвращаться не планирует.

— Вы недавно переехали? Значит, вы поселились по соседству с домом старшего брата Синъити, так ведь?

Хэйцзэ Цин: — Похоже на то. Насколько я помню, хозяина того дома зовут Кудо Синъити, он известный детектив, верно?

Конан радостно закивал: — Именно! Старший брат Синъити — знаменитый детектив из старшей школы, он просто потрясающе раскрывает дела!

Услышав похвалу в свой адрес, Конан не смог сдержать улыбку и принялся с гордостью расхваливать себя. Хэйцзэ Цин, глядя на мальчишку, невольно рассмеялся и потрепал его по голове.

— Какой милый ребенок.

Взглянув на часы, он подумал, что рабочие, перевозившие мебель, уже должны были добраться до его дома.

— Малыш Конан, мне пора. Думаю, мы скоро увидимся.

Он взял телефон, еще раз похлопал Конана по голове и вышел из кафе «Поаро». Его поведение было в точности таким, как если бы он общался с обычным маленьким ребенком.

Конан проводил его взглядом. Последняя фраза прозвучала как-то странно, оставив необъяснимое чувство. Впрочем, он не придал особого значения тому, что тот постоянно ерошил ему волосы — возможно, человек действительно просто принял его за ребенка.

— Малыш Конан, твой сэндвич готов. Тебе упаковать его с собой? — Амуро Тоору подошел к столику с готовым заказом.

— Да, пожалуйста, старший брат Амуро, упакуйте, спасибо, — Конан улыбнулся в знак благодарности.

«Почему все вокруг постоянно называют меня малышом?» — пронеслось у него в голове.

Амуро положил сэндвич в пакет и передал Конану. Забрав его, мальчик покинул кафе.

Амуро проводил их взглядом и задумался о том, что успел услышать из их разговора. Этот человек показался ему странным. В нем чувствовалась какая-то... загадочность. Неужели это Вермут под очередной маской? Давно ее не было видно, может, она сменила облик?

— Амуро-сан, поторапливайтесь, у нас новые посетители! — голос Эномото Адзусы вырвал его из раздумий.

Услышав призыв коллеги, Амуро поспешил протереть столики и направился на кухню готовить заказы для следующих гостей.

Мика-тё, 2-й квартал, дом 20.

Во всей вилле царила тьма, и лишь в одном окне горел свет — в главной спальне.

Скрип.

Дверь ванной комнаты открылась, и Хэйцзэ Цин вышел наружу, окутанный клубами пара. Он подошел к туалетному столику и сел.

Он молча смотрел на свое отражение: короткие серебристо-белые волосы, темно-зеленые глаза. Сейчас, стоя рядом с Джином, он выглядел до того похоже, что их легко можно было принять за родных братьев. Раньше в Организации многие действительно принимали их за отца и сына, из-за чего он не раз устраивал скандалы.

Он лег в постель, немного полистал ленту в телефоне, выключил его и уставился в потолок, погрузившись в воспоминания.

Воспоминания о своей прошлой жизни.

Тогда его звали Карасума Киё.

Фамилия Карасума словно была проклята: все, кто ее носил, были известными в том мире мафиози, наемниками или убийцами. Он не помнил, почему получил это имя — вероятно, его хозяин носил ту же фамилию, — но с тех пор, как начал осознавать себя, он был Карасума Киё.

С самого детства его держали на тренировочной базе, где он был единственным учеником. Группа наставников вбивала в него знания: как убивать, как совершать покушения так, чтобы никто не узнал, как создавать яды и собирать оружие.

В шестнадцать лет его выпустили в мир в качестве инструмента. За десять лет он не помнил, сколько заданий выполнил и сколько семей погубил, но знал одно — он хотел жить. Хотя, если честно, смерти он тоже не боялся.

Человек, который его вырастил, погиб, когда Киё исполнилось двадцать. Он сам убил его. Тому было около тридцати семи.

В тот день он получил приказ: устранить этого человека, желательно одним выстрелом. Он не знал, кто отдал приказ, но не собирался ослушаться. Правило было простым: приказ должен быть выполнен. На самом деле, тот человек был лишь исполнителем, выращивавшим инструмент для убийств.

Все прошло гладко. Жертва не оказала ни малейшего сопротивления. В момент, когда Киё снял предохранитель, он заколебался. Этот человек вырастил его, и у Киё, несмотря ни на что, были чувства — пускай и направленные на того, кто его воспитал.

Заметив его заминку, мужчина назвал его по имени:

— Карасума Киё.

Это был первый раз, когда он произнес его полное имя. Раньше он называл его просто «ты» или «отброс», утверждая, что Киё — самый бесполезный из всех, кого он обучал, потому что у него есть эмоции.

Для убийцы такие вещи недопустимы. Даже когда он сам дал ему это имя, он смотрел на него с

таким выражением, будто приказывал стрелять немедленно.

Киё выстрелил. Он попрощался со своим хозяином — Карасумой Рэнъя.

После его смерти его больше никто не сдерживал. Киё стал выполнять задания так, как хотел сам. Ему нравилась эта свобода — теперь никто не мог упрекнуть его в нарушении приказа, ведь теперь его собственное слово было законом.

Он никогда не пытался «отмыться» от прошлого, зная, что это невозможно. Вместо того чтобы тешить себя иллюзиями и в итоге оказаться за решеткой, он предпочел наслаждаться свободной жизнью.

Иногда он помогал людям: переводил старушек через дорогу, давал надежду тем, кто хотел покончить с собой, вызывал скорую помощь тем, кто попадал в беду. Или, например, совершал эвтаназию для тех, кого должен был убить — быстро, безболезненно, одним выстрелом. Конечно, если жертва предпочитала мучения, он мог устроить и это — у него в арсенале была сотня способов, лишь бы клиент остался доволен.

Потому что улыбки этих людей приносили ему радость.

Но он всегда осознавал: он рожден во тьме, его сердце принадлежит тьме, он лишь иногда заходит в свет.

Он знал, что бывает одинок, но никогда не искал спутника жизни. Он не доверял людям, и не было никого, кто заслуживал бы его доверия.

Он знал, что не доживет до двадцати восьми. Еще в детстве ему ввели яд — без антидота. Он не влиял на здоровье, но убивал носителя до достижения этого возраста.

Он творил что хотел в серой зоне, ведь тот, кто мог его ограничить, был мертв — убит его же рукой.

В прошлой жизни свет приносил ему много радости, а тьма дарила покой.

В конце концов, он не стал дожидаться действия яда. Видя, как мучительно и уродливо умирают другие, он не хотел такой судьбы для себя. Он хотел уйти достойно.

Перед тем как яд должен был начать действовать, он сам выставил заказ: «Убить Карасуму Киё».

Кто-то принял этот заказ и выполнил все в точности, как он просил. Он не сопротивлялся и умер от пули.

В тот момент, когда он разместил заказ, он понял, почему его хозяин тогда не сопротивлялся и встретил смерть с улыбкой.

Один выстрел — величайшее милосердие к жертве. Никакой боли, лишь мгновение.

Закрывая глаза, он вспомнил своего хозяина. Ему было пять, когда на той базе тот впервые учил его стрелять. Карасуме Рэнъя было около двадцати. Он обхватил его маленькую ручку, прицелился в мишень и сказал:

— Стой твердо. Не допускай ни малейшего колебания. Возможно, именно то мгновение, когда ты заколеблешься, станет твоей смертью.

Бах.

Перед глазами наступила тъма.

<http://bllate.org/book/22322/2337887>